

Японские исследования. 2019. №2. С. 63–94.

Japanese Studies in Russia, 2019, 2, pp. 63–94.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10012

Советско-японская Совместная декларация 1956 года: сложный путь к подписанию, нелёгкая судьба после ратификации

А.Н. Панов

Аннотация. Статья посвящена изучению процесса формирования и развития территориальной проблемы в отношениях между Советским Союзом и Японией после окончания Второй мировой войны и до заключения советско-японской Совместной декларации 1956 года. Рассматриваются договорённости Союзных Держав по определению послевоенных территориальных пределов Японии.

В статье отмечается, что позиция США в связи с территориальными положениями Ялтинских соглашений 1945 г. до и после подписания Сан-Францисского мирного договора с Японией неоднократно менялась, с одной стороны, по мере ухудшения отношений с СССР, а с другой – с целью «обезопасить» себя от требований Японии вернуть оккупированные американцами японские территории. Показательно, что и позиция Японии по проблеме Южного Сахалина и Курильских островов не была изначально неизменной и неоднократно претерпевала корректировку.

Подробно рассматриваются процессы советско-японских переговоров по нормализации двусторонних отношений в 1955–1956 гг., анализируются причины готовности советского руководства передать Японии острова Хабомаи и Шикотан. Оценивается значимость для Советского Союза и Японии заключения и ратификации Совместной декларации 1956 года, а также отношение как советского/российского руководства, так и японского правительства, к возможности реализации «территориальной статьи».

После сделанного премьер-министром Абэ в ноябре 2018 г. заявления о готовности вести переговоры на основе территориальной статьи Совместной декларации 1956 года, между Россией и Японией начались переговоры о заключении мирного договора. Однако если для японской стороны главное в договоре заключается в фиксации договорённости о принадлежности островов и проведении согласованной линии границы, то для российской стороны более важными моментами представляются признание Японией законности российского владения Курильскими островами, гарантии ненаправленности японо-американского военно-политического союза против российских интересов, а также широкое развитие двусторонних связей. В условиях неготовности общественного мнения двух стран принять способ разрешения территориальной проблемы на основе Декларации 1956 г. возможность выйти уже в 2019 г. на заключение мирного договора рассматривается как нереалистичная.

Ключевые слова: территориальная проблема, Сан-Францисский мирный договор, Южный Сахалин и Курильские острова, острова Хабомаи и Шикотан, советско-японские переговоры 1955–1956 гг., Совместная Советско-японская декларация 1956 года.

Автор: Панов Александр Николаевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД России, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол. E-mail: panov.taishi@yandex.ru

The Soviet-Japanese Joint Declaration of 1956: a difficult path to signing, a hard destiny after the ratification

A.N. Panov

Abstract. The article aims to study the process of formation and evolution of the territorial problem in the relations between the Soviet Union and Japan after the end of WWII up to the conclusion of the Soviet-Japanese Joint Declaration of 1956. Under consideration are the agreements of the Allied Powers concerning the postwar territorial limits of Japan.

The author insists that the position of the USA towards the territorial provisions of the 1945 Yalta Agreements was repeatedly altered before and after signing the San Francisco Peace Treaty. Changes took place, on the one hand, because of the deterioration in the U.S. relations with the USSR, and, on the other hand, in connection with Washington's aim to "protect" itself from Tokyo's demands to return Okinawa. It is noteworthy that Japan's attitude to the problem of South Sakhalin and the Kuril Islands was from the very beginning not immutable either and has undergone multiple corrections.

The paper gives a detailed examination of the process of the Soviet-Japanese negotiations on the normalization of bilateral relations in 1955–1956, providing an analysis of the reasons for the Soviet leadership's readiness to hand over the Habomai islands and Shikotan to Japan. The author assesses the significance of the conclusion and the ratification of the Joint Declaration of 1956 for both the Soviet Union and Japan, as well as the attitude of both the Soviet/Russian leadership and the Japanese government to the possibility of the implementation of its territorial article.

After Prime Minister Abe had stated in November 2018 that the Japanese side is ready to hold negotiations on the basis of the territorial article of the 1956 Joint Declaration, Russo-Japanese negotiations on the conclusion of the Peace Treaty were launched. However, compared to the Japanese side, for which the pivotal aim is to fix an agreement on the ownership of the islands and the borderline, much more important motives of the Russian side are to acquire Japan's recognition of the legality of the Russian possession of the Kuril Islands, to obtain guarantees that the Japan-US security alliance would not be aimed against Russia's interests, as well as to lay a base for a broader development of bilateral relations with Japan. Against the background of the unwillingness of the public opinion of the two countries to accept the 1956 Declaration as a method of resolving the territorial problem, the possibility to achieve a Peace Treaty in 2019 is seen as unrealistic.

Keywords: territorial problem, the San Francisco Peace Treaty, the South Sakhalin and the Kuril Islands, the Habomai islands and Shikotan, the Soviet-Japanese negotiations of 1955–1956, the visit of Prime Minister Hatoyama to Moscow, the USSR-Japan Joint Declaration of 1956.

Author: Panov Alexandr N., Doctor of Sciences (Political), Professor, Head of the Department for Diplomatic Studies of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University); Chief Research Fellow of the Institute for U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences; Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation. E-mail: panov.taishi@yandex.ru

Войны, как известно из истории человечества, не только решают территориальные проблемы, но и создают оные. После поражения в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Россия уступила Японии Южный Сахалин. Участвуя в войне с Японией в августе 1945 г., на заключительном этапе Второй мировой войны, Советский Союз по договорённости с союзниками – США и Великобританией – вернул Южный Сахалин и получил Курильские острова, принадлежавшие Японии по русско-японскому договору 1875 г. Однако согласно

мирному договору с Японией, заключённому в Сан-Франциско в 1951 г., эти территории хотя и изымались из-под японской юрисдикции, не было определено, в пользу какого государства они отчуждались.

Такой вот парадокс международной договорно-правовой практики, который положил начало территориальной проблеме между Москвой и Токио, которая остаётся в повестке дня российско-японских отношений и в настоящее время.

Мирный договор с Японией заключался в эпоху холодной войны, когда вчерашние союзники СССР и США стали непримиримыми соперниками. Первоначально в своих геополитических расчётах применительно к Японии Вашингтон более всего стремился к тому, чтобы посредством радикальных реформ преобразовать авторитарное, милитаристское государство в «страну демократии и бастион антикоммунизма в АТР». Соответственно, Япония из противника становилась американским союзником и «воспитывалась» в качестве барьера на пути распространения советского влияния в регионе.

Советский Союз исходил из того, что разгромленная и ослабленная Япония в обозримом будущем не будет представлять военную угрозу Москве, а развернувшееся в послевоенное время широкое японское демократическое движение может быть использовано, в том числе, и для ослабления американского господства на японских островах. Перед Советским Союзом стояла и задача юридического закрепления полученных в результате участия в антияпонской войне территорий. Борьба Вашингтона и Москвы «за Японию» особо контрастно проявилась при разработке и заключении Сан-Францисского мирного договора.

Ещё до подписания акта о капитуляции Японии между советским руководством в лице И.В. Сталина и американской политической и военной элитой, которую возглавил президент Г. Трумэн, начались противоречия по поводу содержания территориальных положений Ялтинского соглашения. Если Москва исходила из того, что получение Советским Союзом Южного Сахалина и Курильских островов «юридически гарантировано» этим документом трёх Союзных держав, то в Вашингтоне считали, что «окончательное решение» территориальной проблемы должно быть достигнуто на мирной конференции.

15 августа 1945 г. президент Г. Трумэн направил И.В. Сталину телеграмму с копией своего «Общего приказа номер один», распределяющего районы, в которых японские войска сдавались либо американским, либо советским вооружённым силам. В нём, в частности, указывалось, что японские войска будут сдаваться на Южном Сахалине, но ничего не говорилось об их капитуляции на Курильских островах.

Уже 16 августа в ответной телеграмме американскому президенту И.В. Сталин потребовал, чтобы все Курильские острова были включены в советскую зону принятия капитуляции японских войск в соответствии с Ялтинскими соглашениями. Г. Трумэн согласился с этим требованием, но в послании советскому руководителю 25 августа пояснил, что хотя президент Ф. Рузвельт согласился поддержать советские притязания на эти острова, этот вопрос должен быть окончательно решён в договорном порядке [US Department of State, FRUS (Yalta), p. 692].

Несомненно, подобное разъяснение американской позиции было воспринято в Москве в качестве «сигнала» об отсутствии у Вашингтона намерения соблюдать ялтинскую договорённость относительно Курильских островов. В январе 1946 г. заместитель государственного секретаря Дин Ачесон заявил о том, что ялтинские решения относительно

советской оккупации Курильских островов не были окончательным территориальным решением [New York Times].

Победа Коммунистической партии в Китае в 1949 г. и начало войны в Корее в 1950 г. побудили Вашингтон ускорить подготовку мирного договора с Японией. Предстояло закрепить Японию на проамериканских позициях и предотвратить её попадание под коммунистическое влияние СССР и Китая.

Сан-Францисский мирный договор: позиция Москвы

Позиция США в связи с территориальными положениями Ялтинских соглашений и, соответственно, относительно проблемы Курильских островов и до, и после подписания Сан-Францисского мирного договора неоднократно менялась, эволюционировала по мере, с одной стороны, ухудшения отношений с СССР, а с другой, с целью «обезопасить» себя от требований Японии вернуть оккупированные американцами японские территории [Roznan Gilbert (ed.), pp. 15–29].

Весной 1950 г. Государственный департамент подготовил проект договора, который был ориентирован на вовлечение Японии в американскую глобальную стратегию противостояния с Советским Союзом [US Department of State, FRUS, 1950, p. 1293–1296]. Получив проект договора, Москва высказалась против превращения островов Рюкю и архипелага Бонин в американскую военную базу, против размещения американских войск на японской территории, обращала внимание на предоставление Японии возможности проводить политику ремилитаризации. Советскую сторону не устраивало отсутствие чёткого определения о принадлежности Советскому Союзу Южного Сахалина и Курильских островов, как это определялось в Ялтинском соглашении. Наконец, был выражен протест против исключения КНР из процесса переговоров по мирному договору.

Указанной позиции в отношении мирного договора с Японией Советский Союз последовательно придерживался до заключения мирного договора. Вместе с тем Москва не разработала своего варианта проекта мирного договора, что поставило её в положение «обороняющегося».

В Японии консервативное большинство политиков во главе с одним из наиболее авторитетных политических деятелей 1940-х – 1950-х годов Ёсида Сигэру полагало, что единственный шанс для Японии обрести независимость состоит в том, чтобы увязать интересы её безопасности с американской внешнеполитической стратегией, и выступало за подписание Договора безопасности – военно-политического союза с США, с сохранением присутствия американских войск на японской территории. При этом Япония настаивала на возвращении под свою юрисдикцию находившихся по Сан-Францисскому договору под управлением США территорий островов Рюкю и архипелага Бонин. Вместе с тем для Японии не считалось выгодным идти по пути возрождения армии и наращивания военного производства, на чём на заключительном этапе оккупации в конце 1940-х годов настаивали многие американские политики и военные. Было принято решение сконцентрироваться на экономическом возрождении страны, переложив ответственность за обеспечение безопасности на США. Так сформировалась получившая известность по имени японского премьер-министра «доктрина Ёсида».

Важно иметь в виду, что позиция Японии по проблеме Южного Сахалина и Курильских островов также не была изначально «цельной», а претерпевала неоднократные изменения и корректировки. Так, 8 марта 1951 г. премьер-министр Ёсида заявил в парламенте, что, по мнению японского правительства, острова Хабомаи должны быть возвращены Японии, т.к. они не входят в состав Курильских островов. Впервые на официальном уровне Япония открыто потребовала возвращения Хабомаи. О других территориальных претензиях речи не шло, но ряд депутатов парламента пытался утверждать, что остров Шикотан входит в группу островов Хабомаи. Япония в то время не поднимала вопрос о том, что Итуруп и Кунашир не входят в определение Курильские острова [Hara Kimie, p. 31–32].

По свидетельству Госсекретаря США Дж. Даллеса, на Сан-Францисской конференции Ёсида просил, чтобы США заявили о том, что Хабомаи и Шикотан не являются частью Курил, но не упоминал при этом Итуруп и Кунашир [Hara Kimie, p. 32; US Department of State, FRUS, 1955–1957, p. 208–209].

В ноябре 1950 г. Дж. Даллес в качестве специального советника Госдепартамента нанёс визит в Токио, и после переговоров с премьер-министром Ёсида был заключён «предварительный меморандум». Даллес не согласился с требованием японской стороны вернуть Японии суверенитет на острова Рюкю и Бонин. Но в документе отмечалось, что в мирном договоре будет чётко зафиксировано возвращение Южного Сахалина Советскому Союзу. Курильские же острова будут переданы Советскому Союзу только после того, как их географические границы будут определены на основе двустороннего согласия или путём юридического решения в соответствии с процедурами разрешения споров, которые будут определены в мирном договоре. Более того, Южный Сахалин и Курильские острова будут переданы Советскому Союзу только при условии, что он подпишет мирный договор [US Department of State, FRUS, 1951, p. 908].

Впоследствии Даллес пояснил на запрос японского правительства, что конкретное определение Курильских островов не будет содержаться в мирном договоре, а будет передано на рассмотрение Международного суда. Кроме того, он сообщил, что только после решения Советского Союза участвовать в мирной конференции США изучат вопрос о том, следует ли включать положения о Южном Сахалине и Курильских островах в мирный договор [US Department of State, FRUS, 1951, p. 944–950].

23 марта 1951 г. США закончили формулирование проекта мирного договора. По статье 5 Япония должна была вернуть Южный Сахалин Советскому Союзу и передать ему Курильские острова. В этом варианте Советский Союз пока сохранён как получатель территорий от Японии. Но согласно статье 19 договор не предусматривает предоставления каких-либо прав, правооснований или преимуществ странам, его не подписавшим. А статья 20 запрещала Японии предоставлять любому государству, не подписавшему договор, *больших* преимуществ, чем установленных договором [US Department of State, FRUS, 1951, p. 1106; Славинский, с. 161].

28 марта на пресс-конференции Даллес заявил, что США не предоставят Японии никакого повода добиваться пересмотра Ялтинских соглашений. Однако одновременно он высказался в том плане, что США не признают оккупацию Советским Союзом Хабомаи, т.к. эти острова «никогда не рассматривались как часть Курильских островов». В дальнейшем Даллес выступал за то, чтобы передать проблему Хабомаи на рассмотрение Международного суда [US Department of State, FRUS, 1951, p. 944–950].

31 марта Даллес подтвердил позицию США в том, что Южный Сахалин и Курильские острова, которые «в настоящее время оккупированы Советским Союзом», получат международное признание «только при условии, что он подпишет мирный договор» [US Department of State, FRUS, 1951, p. 944–950]. После согласования Вашингтона с Лондоном к 14 июня был готов американо-британский проект мирного договора.

Согласно статье 2 Япония отказывалась от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и примыкающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г. В статье не содержалось географического определения Курильских островов, не указывалось, какому государству они будут переданы. По этой же статье Япония отказывалась от всех прав, правооснований и претензий на Формозу и Пескадорские острова, от островов Спратли и Парасельские.

Вашингтон преднамеренно составил эту статью таким образом, чтобы на будущее создать ряд территориальных проблем, которые будут «окружать» Японию и «сдерживать её». Это и проявилось впоследствии в отношениях Токио с Москвой, Пекином, Тайбэем, Сеулом, Пхеньяном. Себя же США «обезопасили» с помощью статьи 3. В ней не содержится каких-либо временных рамок для осуществления Вашингтоном права на всю административную, законодательную и судебную власть над территориями и жителями островов Рюкю и Бонин и ещё ряда менее крупных островов.

Статья 25 была сформулирована таким образом, что если Советский Союз (как и любое другое государство) решит не подписывать и ратифицировать договор, он не сможет воспользоваться его положениями, т.е. на него «не распространится» отказ Японии от Курильских островов. (Южный Сахалин стал японским в результате японской агрессии против России, а Курильские острова принадлежали Токио на «законных основаниях» по российско-японскому договору 1875 г.) Формируя данную статью, американские правоведы явно «перестарались». Подпись Советского Союза под договором не предусматривала получение им суверенитета под перечисленными территориями. Не определялся и механизм такого приобретения.

Для ещё большей подстраховки в русле создания для Советского Союза проблемы с Японией в тексте договора появилась статья 26. В ней говорилось о том, что в течение трёхлетнего периода после вступления в силу договора Япония будет готова заключить мирный договор с любым государством, которое находилось в состоянии войны с Японией, но не присоединилось к Сан-Францисскому договору, на тех же или в основном на тех же условиях, которые в нём предусмотрены. В случае если Япония договорится о мирном урегулировании или об урегулировании всех претензий с каким-либо государством на условиях, предоставляющих этому государству *большие* преимущества, чем те, которые предусмотрены настоящим договором, те же самые преимущества будут распространены на стороны настоящего договора.

Из данного текста следует, что после трёхлетнего периода Япония получила право заключать мирные договоры со странами по своему усмотрению и на условиях, согласованных с этими странами. Американцы установили сравнительно небольшой «ограничительный срок» для свободы японских действий, поскольку полагали, что чем более длительным будет этот срок, тем больше времени у Москвы будет «передумать» и присоединиться к договору. Вместе с тем у Даллеса, который в то время уже занимал пост

Госсекретаря, не нашлось весомых аргументов на претензии министра иностранных дел Японии М. Сигэмицу, высказанные им на встрече 24 августа 1956 г., относительно того, что действие статьи 26 мирного договора лимитировано лишь тремя годами.

Следует отметить, что за весь период существования Сан-Францисского договора (а срок его действия не был установлен и в то же время не определялся и его бессрочный характер), многие его положения, особенно касающиеся территорий, неоднократно нарушались. Япония заключала договоры с другими странами без внесения поправок и дополнений к мирному договору. США были вынуждены в 1972 г. передать полный суверенитет на острова Рюкю и Бонин Японии, минуя предусмотренную в статье 3 «промежуточную стадию» – передачу первоначально этих территорий «под систему опеки ООН с Соединёнными Штатами в качестве единственной управляющей власти». В 1952 г. Япония заключила договор с Тайванем (Формозой), признав его независимость как государства. Через 20 лет главы правительств Японии и КНР Танака Какэи и Чжоу Эньлай подписали заявление, в котором Япония признавала правительство КНР единственным законным правительством Китая и выразила «полное понимание и уважение» в связи с заявлением КНР о том, что Тайвань является неотъемлемой частью территории Китая. В 1972 г. США передали под суверенитет Японии архипелаг Сэнкаку в качестве составной части префектуры Окинава, что породило территориальную проблему Китая и Тайваня с Японией.

Все эти примеры могут рассматриваться как прямое игнорирование положений Сан-Францисского договора. Поэтому неубедительны аргументы японской стороны о невозможности ныне признать суверенитет России на Курильские острова, от которых Япония отказалась по Сан-Францисскому договору.

14 июня американо-британский проект мирного договора был разослан странам, приглашённым на конференцию, с указанием предоставить свои замечания к 13 августа. В советской прессе данный проект подвергся жёсткой критике. Однако по непонятным причинам советская сторона не выступила с официальным заявлением или дополнением к его тексту. Это было, безусловно, ошибочным решением.

Российский исследователь Б.Н. Славинский, изучая документы Архива внешней политики Российской Федерации, обнаружил советский проект мирного договора с Японией, который предполагалось представить на мирной конференции в противовес американо-английскому проекту. Согласно статье 7 этого проекта, Япония признавала полный суверенитет СССР на южную часть острова Сахалин со всеми прилегающими к ней островами и на Курильские острова и отказывалась от всех прав и оснований и претензий на эти территории [Славинский, с. 172–173]. Однако, судя по всему, разработка советского проекта договора запоздала, и было решено не выносить его на конференцию, а выдвинуть в виде поправок к англо-американскому проекту.

20 июля правительства США и Великобритании направили советской стороне официальное приглашение на мирную конференцию в Сан-Франциско, которая созывалась в сентябре 1951 г. При передаче приглашения американским послом в Москве было подчеркнуто, что конференция собирается исключительно для ратификации американо-британского проекта договора и никакие добавления или изменения к нему не предусматриваются. Судя по всему, американская сторона предполагала при такой постановке вопроса, т.е. участие Советского Союза рассматривалось только для подписания

договора, что Москва откажется от приглашения на конференцию. Однако советское руководство приняло решение участвовать в конференции и направило делегацию во главе с заместителем министра иностранных дел А.А. Громыко.

Конференция в Сан-Франциско проходила 4–8 сентября 1951 г. с участием 52 стран, включая СССР, Польшу и Чехословакию. Три страны – Индия, Бирма и Югославия – приглашения не приняли.

5 сентября А.А. Громыко выступил на конференции с критикой проекта договора и предложил внести в его текст восемь дополнений. Особое значение имело изменение статьи 2, которую предлагалось сформулировать следующим образом. «Япония признаёт полный суверенитет Союза Советских Социалистических Республик на южную часть острова Сахалин со всеми прилегающими к нему островами и на Курильские острова и отказывается от всех прав, правооснований и претензий на упомянутые территории». Среди других добавлений были положения о выводе иностранных войск из Японии, о выплате Японией репараций, о дальнейшей демократизации и запрещении фашистских и милитаристских организаций, об ограничениях на японские вооружённые силы, о свободном проходе через проливы Соя, Нэмуру, Цугару и Цусима всех торговых судов и проходе через эти проливы военных кораблей только тех стран, которые имеют выход к Японскому морю.

Советские предложения не были обсуждены на конференции на том основании, что это, как заявил председательствующий на ней американский представитель, не входило в повестку дня конференции. В результате Советский Союз, Польша и Чехословакия мирного договора с Японией не подписали, тогда как КНР, Индия, Бирма и Югославия в конференции не участвовали. Таким образом, формально состояние войны между Москвой и Токио прекращено не было, и было положено начало российско-японской территориальной проблеме, которую столь коварно и умело создали США. Для Японии, кроме того, оставались нерешёнными такие проблемы, как возвращение военнопленных, членство страны в ООН, которое блокировалось советским вето, а также японское рыболовство в экономической зоне Советского Союза.

Даллес, выступая 5 сентября на конференции, подчеркнул, что территориальные пределы Японии определены на Потсдамской конференции, а Ялтинские соглашения не имеют обязывающего значения ни для Японии, ни для других союзных держав. Что касается островов Хабомаи, то они, по мнению Соединённых Штатов, не входят в понятие Курильские острова, это предмет рассмотрения Международного суда [US Department of State, FRUS, 1951, p. 276–278]. Очевидно, что Даллес преднамеренно ничего не сказал об острове Шикотан, оставляя для США возможность и впредь разыгрывать «островную карту» в советско-японских противоречиях.

Примечательно выступление на конференции главы японской делегации Ёсида. Прежде всего, он отрицал, что Южный Сахалин был захвачен Японией в результате агрессии, осуществлённой Японией против России в 1904 г. По интерпретации японской стороны, он был получен Японией якобы потому, что Япония в 1875 г. уступила Южный Сахалин России с целью урегулировать с ней территориальный спор. Из логики выступления Ёсида следовало, что по Портсмутскому договору 1905 года Япония просто «вернула» Южный Сахалин под свой суверенитет. Ёсида утверждал также, что острова Хабомаи и Шикотан не входят в Курильские острова, а являются продолжением острова Хоккайдо [Hasegawa, p. 103].

Как бы там ни было, но по мирному договору Япония лишалась Южного Сахалина и Курильских островов. Для японского руководства оставалось не так много возможностей отстаивать свою позицию. Токио делал акцент на том, что острова Хабомаи и Шикотан «никогда не входили в состав Курильских островов». На слушаниях в японском парламенте при ратификации мирного договора, а затем и в своих мемуарах Ёсида подтвердил тезис о том, что Кунашир и Итуруп являются частью Курильских островов, от которых Япония отказалась, но что японские претензии на Южные Курилы достаточно обоснованы в соответствии с положениями Симодского 1855 года и Санкт-Петербургского 1875 года трактатов [Yoshida, p. 256].

Впоследствии японская сторона стала утверждать, что термин «Курилы» в Санкт-Петербургском договоре 1875 года включает 18 островов, от Шумшу на севере до Урупа на юге, а ни Итуруп, ни Кунашир, а также Шикотан и Хабомаи не включены в список Курильских островов. Однако этот аргумент легко парируется. Статья II указанного договора не говорит об уступке всех Курильских островов, а только о «группе Курильских островов, которыми он (император России) владеет в настоящее время». А, как известно, по Симодскому трактату 1855 года Япония владела островами Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан.

При ратификации Сан-Францисского мирного договора Сенатом США в апреле 1952 г. было констатировано, что Ялтинские соглашения не являются юридическим основанием советской оккупации Южного Сахалина и Курильских островов. Более всего США заботил вопрос о том, чтобы лишить Советский Союз юридического оформления в международно-правовом плане суверенных прав на Южный Сахалин и Курильские острова. Позиция США заключалась в том, что «принадлежность Курильских островов и Южного Сахалина может определять только будущее международное соглашение». При этом особое значение придавалось тому, чтобы Япония, в случае восстановления дипломатических и прочих отношений с Советским Союзом, не сделала бы ничего такого, что могло бы быть истолковано как признание суверенитета Москвы над Курильскими островами и Южным Сахалином.

В целях не допустить этого и были введены в текст мирного договора статьи 25 и 26. Иными словами, если бы Япония признала за Советским Союзом полный суверенитет над Курильскими островами, США могли бы потребовать свой полный суверенитет над островами Рюкю и Бонин. При этом США исходили из того, что Вашингтон в будущем не сможет утверждать, что Япония не отказывалась от Курильских островов, поскольку это может быть истолковано как поощрение отказа Японии от любых территориальных положений мирного договора. Госсекретарь США Даллес на совещании Национального совета безопасности 7 апреля 1955 г. выступил против упоминания о незаконности советской оккупации Курил и Южного Сахалина, поскольку претензии Советского Союза на эти территории «по существу идентичны нашим претензиям находиться на островах Рюкю и Бонин» [US Department of State, FRUS, 1955–1957, p. 28–29].

Возникают вполне обоснованные вопросы: почему Советский Союз не подписал Сан-Францисский мирный договор с Японией и как развивались бы события, если бы он присоединился к нему? На первый вопрос ответить вроде бы легко – аргументация была изложена в выступлении на мирной конференции главы советской делегации А.А. Громыко.

Однако просчитывался ли советским руководством при анализе последствий неприсоединения к договору баланс между плюсами и минусами такого решения?

Как представляется, советское руководство того времени, и прежде всего И.В. Сталин, не придавало столь уж серьёзное значение Японии. Рассуждения на японскую тему, судя по всему, строились следующим образом. Американцы крепко и надолго взяли Японию в свои руки и в обозримой перспективе из-под своего контроля не отпустят. Это очевидный минус для советских позиций на Дальнем Востоке. Но минус не столь уже серьёзный. После поражения в войне Япония решительно ослаблена, и прежде всего экономически, поэтому какого-либо существенного самостоятельного значения в расстановке сил в регионе она играть не сможет. А с американскими военными базами на её территории придётся смириться как с неизбежным злом. Что касается территорий, то с мирным договором или без него, южная часть острова Сахалин и все Курильские острова находятся во владении Советского Союза и оспаривать этот факт невозможно, что бы там ни утверждали американские и японские представители. К тому же в мирном договоре чётко сказано, что Япония отказывается от этих территорий, а всех японцев, проживающих на них, советские власти вывезли на остров Хоккайдо.

Главное – это победа в Китае коммунистической партии. Советско-китайский союз способен с лихвой компенсировать любые минусы от отсутствия отношений Москвы с Токио. Не случайно 12 августа 1951 г. посол СССР в Пекине Н.В. Роцин получает из Москвы телеграмму с поручением передать премьеру Государственного административного совета КНР Чжоу Эньлаю, что советская делегация будет на конференции в Сан-Франциско и поставит вопрос об обязательном приглашении на неё представителей КНР. Мирный договор с Японией не может быть заключён без участия КНР (см. [Панов, с. 55]).

В утверждённых ЦК ВКП(б) 20 августа 1951 г. директивных указаниях делегации СССР на конференции в Сан-Франциско особо подчёркивалось: «Делегация должна главное своё внимание сосредоточить на вопросе о приглашении Китайской Народной Республики к участию на конференции» [Славинский, с. 174]. Из этой позиции следует и такой вывод: даже если в тексте мирного договора будет зафиксирована принадлежность южной части о. Сахалин и Курильских островов за Советским Союзом, Москва всё равно этот договор в отсутствие Китая не подпишет.

Резко эмоционально раскритиковал советскую позицию на Сан-Францисской конференции Н.С. Хрущёв в своих мемуарах, написанных, когда он уже находился на пенсии. «Если бы мы, – пишет он, – дали ранее правильную оценку сложившимся после разгрома японского милитаризма условиям и подписали бы мирный договор, разработанный американской стороной без нашего участия, но с учётом наших интересов (видимо, Н.С. Хрущёв имеет в виду территориальную статью 2 Договора), мы бы сразу открыли в Токио своё представительство, создали посольство». Всю вину за отсутствие мирного договора с Японией Хрущёв возлагает на Сталина, который, как он отмечает, «никогда ни у кого не спрашивал совета, он сам решал, что делать» [Хрущёв].

Официально позитивную оценку Сан-Францисскому мирному договору российская сторона даст только через пять десятилетий после его подписания. 4 сентября 2001 г. Министерство иностранных дел России выступило с заявлением, в котором договор оценивается как «крупный шаг к окончательному урегулированию международных отношений после второй мировой войны, определению места в них Японии» [В связи с 50-летием...].

Итак, подведём итоги. Во-первых, после подписания и ратификации Сан-Францисского мирного договора Япония полностью восстановила свой суверенитет и вошла в сферу международных отношений в качестве самостоятельного и независимого государства.

Советский Союз с этим государством дипломатических отношений не имел, каких-либо контактов не поддерживал. В Токио сохранялось оставшееся с оккупационного периода Представительство СССР, в котором пребывали без какого-либо официального признания с японской стороны исполняющий обязанности торгового представителя А.И. Домницкий, второй секретарь МИД СССР А.С. Часовников и четыре технических работника. После сентября 1951 г. они беспрерывно находились в построенном в довоенное время здании бывшего Посольства СССР, т.к. в случае даже краткосрочного выезда в Советский Союз им было бы отказано в повторном въезде на японскую территорию. Непризнанные японскими властями советские представители имели, тем не менее, определённые контакты с японцами и направляли в Москву информацию о ситуации в Японии. Эта информация по понятным причинам вряд ли могла быть подробной и достаточной для составления разностороннего, глубокого представления о внутривнутриполитических процессах в японском обществе.

Во-вторых, не подписав мирный договор с Японией, Советский Союз не присоединился к фиксации в высшей форме международно-правовой практики – международного договора – отказа Японии от южной части Сахалина и Курильских островов. Этот договор, безусловно, намного авторитетнее Крымского соглашения. Таким образом, было положено начало территориальной проблеме в советско-японских, а затем и российско-японских отношениях, которую не удаётся урегулировать вплоть до настоящего времени.

Советско-японская Декларация 1956 года

18 октября 1954 г. СССР и КНР выступили с заявлением о своей готовности нормализовать отношения с Японией. Следует отметить, что в нём не упоминается «пересмотр японо-американских отношений» (в 1951 г. Токио и Вашингтон заключили военно-политический союз) в качестве предварительного условия для начала таких переговоров.

В декабре 1954 г. Хатояма Итиро сменил Ёсида на посту премьер-министра, а уже 11 декабря министр иностранных дел Сигэмицу Мамору сигнализировал о желании Токио начать переговоры с Москвой. 16 декабря министр иностранных дел В.М. Молотов также объявил о готовности к переговорам.

Если Ёсида считал нормализацию отношений с Советским Союзом не только не необходимым, но и вредным, то Хатояма стремился обеспечить для Японии более независимый внешнеполитический курс, нежели просто следование за позицией США. Позицию Хатояма поддерживал его ближайший соратник Коно Итиро (он вместе с Хатояма создавал Демократическую партию, которая и пришла к власти, а в новом правительстве занял пост министра сельского хозяйства и лесоводства). Однако Ёсида оставался весьма влиятельным политиком, контролировал многих высокопоставленных сотрудников Министерства иностранных дел. Его взгляды и отношения с СССР разделял и Сигэмицу Мамору (занявший в кабинете Хатояма пост министра иностранных дел).

В советском руководстве также не было единства мнений по «японскому вопросу». Если Н.С. Хрущев, Н.А. Булганин, Г.М. Маленков, А.И. Микоян выступали за скорейшее

заключение с Японией мирного договора, то В.М. Молотов, сохраняя приверженность «сталинской антияпонской линии», считал, что не может быть мирного договора с Японией, пока Токио сохраняет «договор безопасности» с Вашингтоном.

В декабре 1954 г. – январе 1955 г. стороны неоднократно обменивались заявлениями о готовности начать процесс нормализации отношений. Однако официальных приглашений вступить в переговоры ни Москва, ни Токио друг другу не передавали. Создавалось впечатление, что стороны искали приемлемую при отсутствии дипломатических отношений форму приглашения к переговорам.

Инициативу проявила советская сторона, и сделано это было в довольно необычной форме. Исполняющий обязанности торгового представителя СССР Домницкий в январе 1955 г. неоднократно пытался вступить в контакт с министром иностранных дел Сигэмицу для передачи ему письма с предложением начать переговоры в Москве или Токио и назначить представителей для их проведения. Тот отказывался принимать письмо без даты и подписи от советского представителя, которого японское правительство официально не признавало. Это был удобный для Сигэмицу предлог не спешить с началом переговоров.

Поскольку глава японского МИД письмо не принимал, Домницкий через ближайших друзей Хатояма, выступавших за нормализацию отношений с Советским Союзом, передал письмо японскому премьер-министру в его частной резиденции. Встреча советского представителя с Хатояма была организована в курьезно-детективном стиле. Как пишет в своих мемуарах Хатояма, он попросил Домницкого пройти в дом через кухню, с тем чтобы японские журналисты не смогли последить его приход и поднять шумиху [Хатояма, с. 64]. Встреча состоялась, и японский премьер получил письмо. При этом Домницкий подтвердил, что письмо носит официальный характер и направлено советским правительством [Панов, с. 62].

4 февраля 1955 г. японское правительство приняло решение начать переговоры с Советским Союзом о нормализации отношений. Возглавлять японскую делегацию на переговорах был назначен Мацумото Сюнъити, бывший дипломат, занимавший видные посты в Министерстве иностранных дел, в том числе посла Японии в Англии, а на февральских 1955 г. парламентских выборах был избран депутатом от Демократической партии. Он поддерживал политику Хатояма, выступал за скорейшее заключение мирного договора с Советским Союзом. Советскую делегацию возглавил посол СССР в Лондоне А.Я. Малик. Это был опытный дипломат, знакомый с Японией – в последние годы войны в 1942–1945 гг. занимал пост посла СССР в Токио.

Утверждённая японским правительством инструкция делегации во главе с Мацумото на лондонских переговорах включала следующие основные положения:

– добиться согласия Советского Союза на прием Японии в ООН (до этого СССР накладывал вето на приём Японии в эту организацию);

– обеспечить возвращение всех задерживаемых в советских лагерях японцев (на начало переговоров насчитывалось 1016 военнопленных и 357 гражданских лиц, отбывавших наказание за военные преступления и преступления, совершённые в период нахождения в заключении);

– договориться о возобновлении торговых связей;

– добиться согласия советской стороны на ведение промысла лососёвых, которые нерестились в реках на территории Советского Союза.

Предвидя упорные переговоры по территориальной проблеме, японская сторона разработала трёхступенчатую стратегию их ведения. На первой стадии японская делегация должна была требовать передачи ей южной части о. Сахалин и всех Курильских островов, включая острова Хабомаи и Шикотан. В случае отказа советской стороны от удовлетворения такой явно запросной позиции, в реализацию которой, видимо, и сами японцы не верили, надлежало ограничиться требованием «вернуть» Южные Курилы, под которыми подразумевались острова Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп. И, наконец, если и это требование не будет принято, ограничиться островами Хабомаи и Шикотан. Таким образом, согласно указанным директивам, «возвращение» этих островов считалось достаточным, чтобы пойти на заключение мирного договора [Hasegawa, p. 108–109; Naga, p. 65–66].

Директивы (и это подтверждается многочисленными публикациями японских участников лондонских переговоров, включая Мацумото, а также дипломатами, их разработчиками и учёными-политологами), составлялись в Министерстве иностранных дел, и потому все последующие утверждения с японской стороны, что японская принципиальная позиция с самого начала состояла в том, чтобы добиваться возвращения островов Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп, не соответствуют действительности. Причём японские переговорщики считали, что и получить острова Хабомаи и Шикотан будет чрезвычайно сложно. Ёсида и его сторонники, в том числе среди дипломатов, настаивая на включении в директивы требования «возвращения» островов Хабомаи и Шикотан, исходили из того, что Советский Союз не согласится на это и, следовательно, мирный договор заключить не удастся, что и отвечало их интересам.

Советско-японские переговоры о заключении мирного договора начались в Лондоне 3 июня 1955 г. На второй встрече глав делегаций 7 июня Мацумото передал Малику меморандум, содержание которого японская сторона предложила взять за основу переговоров. В нём выдвигались в качестве основных условий нормализации отношений:

- передача Японии южной части о. Сахалин и Курильских островов;
- возвращение в Японию задерживаемых в Советском Союзе японских военнопленных;
- положительное решение вопросов, связанных с японским промыслом лососёвых советского происхождения;
- содействие со стороны Советского Союза приёму Японии в ООН.

На следующей, третьей встрече глава советской делегации представил на рассмотрение советский проект мирного договора с Японией. Он содержал, помимо положений о прекращении состояния войны между двумя странами и восстановлении официальных отношений, о признании Японией суверенитета Советского Союза над южной частью о. Сахалин и Курильскими островами, ещё два пункта, которые носили явно нереалистичный характер.

Во-первых, предлагалось зафиксировать, что Япония не будет заключать союзы, направленные против Советского Союза. Это означало, что Япония должна была бы отказаться от «договора безопасности» с США.

Во-вторых, Япония должна была взять на себя обязательство разрешать свободный проход через японские проливы только военным судам государств, граничивших с Японским морем, из чего следовало, что советские военные суда могли бы пользоваться этими проливами, а американские – нет. В появлении этих пунктов прослеживается «рука Молотова». Выдвижение указанных положений дало основание японской делегации занять

позицию, согласно которой она не будет обсуждать содержание других статей договора, пока советская сторона не перестанет выдвигать предложения, направленные на пересмотр японо-американского военно-политического союза.

В-третьих, проблема японских военнопленных будет урегулирована только после заключения мирного договора.

Проанализировав различные документы, материалы и воспоминания участников переговоров, японский исследователь Хасэгава пришёл к выводу, что Мацумото, осознав гибкость советской позиции, дал понять Малику о возможности решить территориальную проблему на основе возвращения Японии островов Хабомаи и Шикотан. Такой вариант был предусмотрен в качестве минимального территориального требования в полученных им инструкциях [Hasegawa, p. 110].

Переговоры были прерваны, т.к. в июле Малик отправился в Москву на консультации и получение новых инструкций. 9 августа на возобновившихся переговорах Малик сообщает Мацумото, что советское правительство готово пойти навстречу «пожеланию» японской стороны о передаче Японии островов Хабомаи и Шикотан при условии окончательного на этом урегулирования территориального вопроса между обеими странами при подписании мирного договора. Он также сказал, что советская сторона не ставит условием нормализации отношений и заключения мирного договора отказ Японии от её обязательств, вытекающих из имеющихся у неё международных договоров (имелся, конечно, в виду Договор Японии с США о взаимном обеспечении безопасности. Соответственно два вышеупомянутых «пункта Молотова» снимались) [Тихвинский, с. 53–54].

Территориальная уступка, объявленная советской стороной, была более щедрой, чем могла ожидать японская сторона. Мацумото потом напишет в своих мемуарах, что, услышав об этом от Малика, он «едва мог поверить своим ушам». Он тут же докладывает о состоявшейся беседе в Токио [Мацумото, Мосукува ни..., с. 44].

Однако телеграмма Мацумото побудила противников нормализации отношений с Москвой принять контрмеры против возможности скорого завершения переговоров. Сигэмицу и Министерство иностранных дел засекретили эту телеграмму настолько, что о ней не знал даже премьер-министр Хатояма. Сигэмицу послал Мацумото инструкции, предписывающие придерживаться той позиции, что только возвращения Хабомаи и Шикотана недостаточно, что Кунашир и Итуруп издревле являлись японской территорией и не входили в Курильские острова, от которых Япония отказалась по Сан-Францисскому договору, и что суверенитет Южного Сахалина и Курильских островов должен быть решён на международной конференции. Таким образом, впервые Япония в качестве минимального требования объединила острова Хабомаи и Шикотан с островами Кунашир и Итуруп и впервые Япония отделила эти острова от понятия «Курильские острова».

Эта позиция была представлена японской стороной на переговорах 30 августа. Очевидцы вспоминают, что, получив текст японской позиции, Малик побелел и решительно осудил японскую сторону за отсутствие доброй воли достичь соглашения. Повторив предложение относительно островов Хабомаи и Шикотан, он подчеркнул, что советское правительство никогда не согласится на проведение международной конференции по территориальному вопросу и никогда не изменит свою позицию по островам Кунашир и Итуруп.

В связи с описанными выше событиями возникают два основных вопроса: почему Малик огласил территориальную уступку на ещё довольно ранней стадии переговоров и почему японская сторона её не приняла. По свидетельству входившего в состав советской делегации на переговорах С.Л. Тихвинского, в то время советника Посольства СССР в Лондоне, у делегации с самого начала переговоров была утверждённая Политбюро ЦК КПСС запасная позиция по территориальному вопросу, которую и сообщил Малик главе японской делегации [Тихвинский, с. 53–54].

Но что побудило его сделать это столь поспешно? Высказывается мнение, что, будучи в Москве в июле 1955 г. на Пленуме ЦК КПСС, Малик мог встретиться с Хрущёвым и получить от него соответствующие инструкции. Известно, что Хрущёв был недоволен медленным ходом лондонских переговоров и неоднократно высказывался по этому поводу. Действительно, трудно поверить в то, что такой опытный дипломат, как Малик, мог бы по собственной инициативе, без консультаций с Москвой, использовать данную позицию, которая была по сути ключевой.

Очевидно также, что после получения от советской стороны столь важной уступки, практически не дав ничего взамен, японская сторона пришла к выводу, что, поскольку она уже добилась возвращения островов Хабомаи и Шикотан, то почему бы теперь не попробовать обеспечить возвращение и островов Кунашир и Итуруп. Новые инструкции, полученные японской делегацией из Токио, безусловно, вели к затягиванию переговоров. Насколько о них был осведомлён премьер-министр Хатояма, который выступал за быстреее заключение мирного договора с Советским Союзом?

Первое объяснение представляется достаточно обоснованным и заключается в том, что глава японского правительства не получал подробной информации о ходе лондонских переговоров. Сигэмицу и его ведомство ограничивали его вмешательство в их процесс. В своих мемуарах Хатояма отмечает: «Я предполагаю, что детали переговоров докладывались Министерству иностранных дел, но оно не передавало мне эту информацию, хотя я часто просил их об этом. То, что я получал, были не более как телеграммы общего характера...» [Хатояма, с. 177].

В это трудно поверить, но такова была реальная ситуация. Хатояма был практически отстранён Министерством иностранных дел от лондонских переговоров, а Сигэмицу занимал особо жёсткую позицию. В августе он публично заявил, что «если переговоры не приведут к приемлемым для Японии договорённостям, мы должны быть готовы даже прервать их». Выступая в конце августа в Вашингтоне в Национальном пресс-клубе, он заверил американское руководство в том, что «японо-советские переговоры не означают стремления Японии установить дружеские отношения с Советским Союзом», а главная цель – «технически прекратить состояние войны между двумя странами» [Нага, р. 68].

Второе объяснение непринятия японской стороной территориальной уступки советской стороны и ужесточения японской позиции по территориальной проблеме связано с внутривнутриполитической обстановкой в Японии. Летом 1955 г. шли переговоры об объединении Демократической партии с Либеральной. Хатояма приходилось договариваться с Ёсида, жёсткая позиция которого в отношении Советского Союза была хорошо известна. Вопросы нормализации отношений с Советским Союзом обсуждались лидерами обеих партий, т.к. предстояло разработать единый подход к ним объединённой партии. Многие японские исследователи приходят к заключению, что Хатояма ради создания объединённой партии –

ЛДП – пошёл на компромисс и уступил сторонникам жёсткой позиции на переговорах по мирному договору с Советским Союзом. В пользу этой версии говорит и тот факт, что после создания 15 ноября 1955 г. ЛДП японская позиция на переговорах ужесточилась. 12 ноября лидеры Демократической и Либеральной партий одобрили политический документ «Рациональные изменения в позиции на японо-советских переговорах», согласно которому целью переговоров определялось возвращение Южных Курил (острова Кунашир и Итуруп) и островов Хабомаи и Шикотан, а судьбу других территорий должна была решить международная конференция.

Лондонские переговоры зашли в тупик и 23 сентября 1955 г. были прерваны. Второй раунд советско-японских переговоров начался 17 января 1956 г. и продолжался до 20 марта. Делегации согласовали ряд статей мирного договора, не имеющих принципиального характера. По важнейшим проблемам, включая территориальную, разногласия сохранялись.

Глава советской делегации представил предложения, подтверждающие обещание передать острова Хабомаи и Шикотан при чётком понимании, что более никаких территориальных уступок не будет. В ответ Мацумото выдвинул японское контрпредложение. Поскольку японская сторона считала вопрос об островах Хабомаи и Шикотан решённым, речь в нём шла об островах Кунашир и Итуруп. Предполагалось, что до возвращения Японии этих островов за Токио признаётся «потенциальный суверенитет», что позволит советским жителям этих островов на этот срок продолжать на них находиться, а советские военные и торговые суда будут иметь право свободного прохода проливами между этими островами, которые будут демилитаризованы [Hasegawa, p. 121].

Малик отверг эти предложения, и переговоры были прерваны. На следующий день после завершения второго раунда лондонских переговоров, т.е. 21 марта 1955 г., было опубликовано постановление Совета министров СССР «Об охране запасов и регулировании промысла лососёвых в открытом море и районах, смежных с территориальными водами СССР на Дальнем Востоке». Согласно постановлению, в Охотском море и западной части Берингова моря ограничивался промысел лососёвых пород рыб – как для советских, так и иностранных организаций и граждан. Промысел разрешался только по специальным разрешениям, ограничивался лимит вылова на каждое судно.

Постановление вызвало шоковое состояние не только у японских рыбопромышленных кругов, но и среди широкой японской общественности. В то время, когда последствия разрушительной войны еще не были преодолены, для обеспечения японского населения продуктами питания поставки лососёвых имели более чем существенное значение. Ряд японских исследований японо-советских отношений считает, что советское правительство с помощью указанного постановления попыталось оказать давление на японское правительство с тем, чтобы оно заняло более гибкую позицию на переговорах по мирному договору.

Однако советская пресса предупреждала о возможности принятия такого постановления еще 11 февраля 1955 г., т.е. до неудачи второго раунда лондонских переговоров. Последующие события показали, что именно те японские политические деятели, которые выступали за скорейшую нормализацию отношений с Москвой, воспользовались «рыболовным кризисом» для преодоления сопротивления противников соглашения с Советским Союзом. Японская сторона предложила провести переговоры по отношениям

в сфере рыболовства отдельно от переговоров по мирному договору. Такие переговоры состоялись в Москве с 29 апреля по 14 мая.

Японскую делегацию возглавлял министр сельского хозяйства и лесоводства Коно. Как впоследствии он вспоминал в мемуарах, премьер-министр Хатояма, направляя его в советскую столицу, напутствовал следующими словами: «Антикоммунизм и восстановление межгосударственных отношений – это две разные проблемы. Разве сегодня есть ещё какое-либо государство, которое продолжает находиться в состоянии войны с другим государством только потому, что оно ему не нравится? Урегулировав свои отношения с Советским Союзом, мы сможем добиться освобождения находящихся ещё в плену в СССР японцев, а затем, когда Советский Союз снимет свои возражения, Япония сможет стать членом ООН... Конечно, рыба – дело важное, но наступило такое время, когда нужно решить основной вопрос, вопрос о нормализации отношений между двумя странами. Поэтому возможно, что и мне придется поехать в Москву. Вот почему я и хотел бы, чтобы Вы сейчас отправились в Советский Союз, выяснить точку зрения Советского Союза и все обстоятельства на месте» [Коно, с. 26].

Переговоры по рыболовству шли не просто. Их начало Сигэмицу пытался даже саботировать. Пришлось вмешаться непосредственно Хатояма, чтобы они состоялись. В результате переговоров по рыболовству 14 мая 1956 г., т.е. за день до начала промысла лососёвых, была подписана советско-японская Конвенция о рыболовстве в открытом море в северо-западной части Тихого океана, на основе которой была определена квота вылова лососёвых для японских рыболовных судов.

В период переговоров, 9 мая, Коно запросил встречу с Председателем Совета Министров СССР Н.А. Булганиным, на которую пришёл без сопровождающих, в том числе японского переводчика, который был в японской делегации кадровым дипломатом. Тем самым он показал, что не разделяет позицию японского внешнеполитического ведомства на переговорах по мирному договору и не доверяет его сотрудникам. Коно предложил при подписании Конвенции о рыболовстве сделать совместную оговорку сторон, что она вступит в силу при условии, что переговоры о нормализации отношений возобновятся не позднее 31 июля 1956 г. При этом просил сделать так, будто эта оговорка сделана по требованию советской стороны. Таким образом, японский министр стремился повлиять на те силы в Японии, которые затягивали лондонские переговоры. Соответствующее коммюнике о возобновлении переговоров о нормализации отношений между странами до конца июля было подписано Коно и Микояном. Указанная договорённость о переговорах была резко критически встречена в МИД Японии. Коно даже обвинили в том, что он на встрече с Булганиным пошёл якобы на какие-то уступки в территориальном вопросе. Однако на той встрече территориальный вопрос не обсуждался. Но глава советского правительства предложил японской стороне подумать о применении на переговорах по мирному договору «формулы Аденауэра» [Тихвинский, с. 93–95].

13 сентября 1953 г. Советский Союз и Западная Германия достигли договорённости о восстановлении дипломатических отношений без решения территориальных проблем между двумя странами, урегулирование которых было отложено до подписания мирного договора. «Формула канцлера ФРГ К. Аденауэра» применительно к советско-японским переговорам означала нормализацию отношений без подписания мирного договора с положением о территориальном разграничении.

Хатояма после предложения Булганина начал задумываться относительно принятия этой «формулы», тем более что такой вариант им ранее рассматривался [Hasegawa, p. 122]. А вот Сигэмицу выступил противником «формулы Аденауэра». Он считал, что после официального прекращения состояния войны с Советским Союзом Япония может потерять всякие перспективы требовать возвращения не только Южных Курил, но и островов Хабомаи и Шикотан.

Третий раунд переговоров по мирному договору состоялся не в Лондоне, а по предложению советской стороны в Москве и прошёл с 31 июля по 14 августа 1956 г. Следует отметить, что внутривластная борьба в Японии по вопросам, связанным с этими переговорами, накануне их возобновления была весьма острой и не всегда складывалась в пользу выступавших за скорейшую нормализацию отношений с Советским Союзом, прежде всего, Хатояма и Коно. После подписания Конвенции по рыболовству С.Л. Тихвинский в ранге Чрезвычайного и Полномочного посланника СССР прибыл в Токио в качестве руководителя Представительства Советского Союза по осуществлению соглашения о рыболовстве и спасении терпящих бедствие в северо-западной части Тихого океана. Фактически японское правительство признало послевоенное Представительство СССР в Токио, хотя и под другим названием.

По свидетельству Тихвинского, японские противники нормализации отношений с Советским Союзом начали действовать более активно, скоординированно, подогревать антисоветские настроения в широких кругах общественности. Руководящую роль при этом играли Ёсида и его фракция в ЛДП, а также действующие и отставные дипломаты. Разворачивалось запугивание общественности «коммунистической угрозой», которая, дескать, появится после прибытия в Японию сотрудников советского посольства и которая будет подрывать внутреннюю безопасность страны [Тихвинский, с. 96–97].

Противники нормализации отношений с Москвой добились назначения главой японской делегации на переговорах по мирному договору «своего человека» – министра иностранных дел Сигэмицу. Он и сам стремился возглавить делегацию, полагая, что его твёрдость и напористость позволят получить от советской стороны дополнительные уступки. Он даже не возражал против проведения третьего раунда переговоров в Москве, полагая получить непосредственный доступ к советским руководителям и убедить их в правоте японской позиции. Однако Хатояма все же удалось направить в Москву и своего сторонника С. Мацумото, который состоял в качестве полномочного представителя при главе делегации.

На переговорах с министром иностранных дел Д. Шепиловым японская делегация сняла вопрос о проведении международной конференции по определению принадлежности южной части о. Сахалин и Курильских островов, но продолжала настаивать на передаче Японии островов Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп [Hasegawa, p. 123]. Переговоры вновь зашли в тупик. Жёсткая линия Сигэмицу не сработала, советские руководители её не принимали. Тогда Сигэмицу приходит к выводу, которого от него никто не ждал. Он сообщает членам японской делегации о целесообразности подписать мирный договор на советских условиях – передача Японии только островов Хабомаи и Шикотан, но без включения положения о прохождении границы между Кунаширом и Хоккайдо. Ход переговоров и советская позиция на них, утверждал он, свидетельствуют, что в противном случае Япония может не получить и эти острова.

12 августа М. Сигэмицу сообщает в Токио о своем «радикальном» предложении. Более того, он озвучивает свою позицию в прессе. [Hara, p. 71; Асахи]. Но ситуация в японских правящих кругах, в том числе созданная прежними усилиями самого Сигэмицу, была не в пользу его принятия. Главе японской делегации из Токио поступают инструкции продолжить настаивать на прежней позиции. Московские переговоры прерываются.

За ситуацией на переговорах внимательно следили США. В Вашингтоне ревниво, а точнее, с большой озабоченностью воспринимали намерение Хатояма вести дело к полной нормализации отношений с Советским Союзом. Помимо нежелания давать своему младшему партнёру большую свободу действий в международных делах, у американцев присутствовали и вполне конкретные эгоистичные расчёты. Если произойдёт сближение Токио с Москвой, то японский национализм, полагали в Вашингтоне, может повернуться против США, т.к. японцы станут требовать возвращения архипелагов Рюкю и Бонин. Государственный департамент прогнозировал, что Советский Союз может использовать проблему Курильских островов в качестве «переговорного козыря» и создать напряжённость в отношениях между Японией и США [Hara, p. 43]. Кроме того, американцы опасались, что после нормализации отношений с Советским Союзом Япония может начать переговоры с КНР по установлению дипломатических отношений.

26 февраля 1955 г. Даллес направил указание послу США в Токио Дж. Аллисону довести до сведения японской стороны позицию Вашингтона в связи с советско-японскими переговорами по мирному договору. В инструкции говорилось о том, что договорённости Токио с Москвой не должны подрывать американо-японский договор безопасности и должны соответствовать Сан-Францисскому мирному договору (в связи с этим была подтверждена американская поддержка японской позиции, что Хабомаи и Шикотан не являются частью Курильских островов) [US Department of State, FRUS, 1955–1957, p. 20, 21–22.] На тот период в Вашингтоне полагали, что претензии Японии на Хабомаи и Шикотан будет достаточно для срыва советско-японских переговоров по мирному договору.

Советское предложение передать Японии острова Хабомаи и Шикотан было воспринято в Вашингтоне как создающее предпосылки для заключения советско-японского мирного договора. В связи с этим позиция США изменилась. Теперь была высказана поддержка не только претензий Японии на Хабомаи и Шикотан, но и на Кунашир и Итуруп. США начали поощрять Японию требовать «возвращения Кунашира и Итурупа» как не входящих в состав Курильских островов, в качестве дополнительного препятствия к заключению советско-японского договора [Hasegawa, p. 120].

19 августа 1956 г. Сигэмицу встретился с Даллесом в Лондоне и информировал его о ходе переговоров с Советским Союзом. При этом он сообщил, что Москва хочет провести линию границы к северу от Хабомаи и Шикотана, и поинтересовался позицией госсекретаря о правомочности такой границы с точки зрения Сан-Францисского мирного договора. Даллес высказался весьма определенно. Согласно записи беседы, сделанной американской стороной, он подчеркнул, что «по условиям капитуляции Японии Курилы и Рюкю трактовались одинаково, и в то время, когда США в мирном договоре согласились на то, что отложенный суверенитет над Рюкю может оставаться у Японии, нами было также сказано в статье 26, что если Япония предоставит России более благоприятные условия, мы можем потребовать таких же условий для себя. Это означает, что если Япония признает за Советским Союзом полный суверенитет над Курилами, мы можем считать, что мы в равной степени обладаем

полным суверенитетом над Рюкю». При этом он отметил, что статья 26 выгодна Японии в её переговорах с СССР, т.к. «японцы могут сказать Советам, что если их заставят отказаться от Курил, им придётся отказаться также от Рюкю... Если Япония скажет СССР, что он может обладать суверенитетом над Курилами, тогда США будут настаивать на суверенитете над Рюкю». Госсекретарь посоветовал японцам на переговорах сказать Советскому Союзу о жёсткой позиции США, а именно – если «СССР возьмут все Курилы, США останутся навсегда на Окинаве, и никакое японское правительство не сможет их оттуда выгнать» [US Department of State, FRUS, 1955–1957, p. 202, 203, 208–209].

Практически во всех исследованиях японских, американских, советских, а теперь и российских историков и политологов указанные высказывания Даллеса трактуются как «Ультиматум Даллеса» (*Daresu-no докацу*), который в конечном итоге воспрепятствовал подписанию советско-японского мирного договора. Увязка Курильских островов с островами Рюкю и Бонин произвела шоковое впечатление на японскую общественность. Хотя речь в заявлениях Даллеса шла лишь о том, что Япония не должна признавать суверенитет Советского Союза над Курильскими островами, они были восприняты как угроза не возвращать Японии острова Рюкю и Бонин в случае невыполнения американских требований. При этом практически незамеченным остался тот факт, что отказ Японии требовать «возвращения» Кунашира и Итурупа никоим образом не был связан с вопросом о признании или непризнании советского суверенитета над ними.

7 сентября, с тем, чтобы успокоить японскую общественность, государственный департамент направил японскому правительству меморандум, разъясняющий американскую позицию. В нём говорилось, что США выступают за окончание состояния войны между Японией и Советским Союзом, но отмечалось, что Ялтинские соглашения не предоставляют юридической основы для территориального урегулирования, что Сан-Францисский мирный договор не определяет, какой стране принадлежат территории, от которых отказалась Япония, что Япония не имеет права передать кому-либо территории, от которых отказалась. Отмечалось, что после «тщательного изучения исторических фактов» США пришли к выводу, что острова Кунашир и Итуруп вместе с Хабомаи и Шикотан всегда были неотъемлемой частью японской территории, а потому должны быть под японским суверенитетом [Hasegawa, p. 126–127].

Не составляет труда обнаружить противоречия в этом заявлении. С одной стороны, Кунашир и Итуруп являются частью Курильских островов, от которых Япония отказалась, а с другой – поддерживается убеждение Японии в том, что они всегда были неотъемлемой частью японской территории. Как бы то ни было, США заняли позицию однозначной поддержки японских требований к Советскому Союзу о «возвращении четырёх островов», о чём и заявил Даллес Сигэмицу на последней встрече 24 августа 1955 г.

Между тем вокруг советско-японских переговоров складывалась всё более тревожная обстановка. Они находились на грани полного провала. Для Хатояма и его сторонников, выступавших за проведение Японией независимой внешней политики, становилось всё более очевидным, что без непосредственного подключения к переговорам главы японского правительства найти выход из сложившейся тупиковой ситуации не удастся.

19 августа японское правительство публикует сообщение о возможной поездке в Москву премьер-министра. Это было мужественное решение Хатояма, которому противостояла серьезнейшая оппозиция в правящей партии, со стороны правых, националистических

организаций и даже со стороны ряда предпринимательских организаций, ориентированных на американский рынок. Да и Вашингтон не оставался в стороне. У Хатояма складывалось мнение, что поскольку выйти на заключение мирного договора с решением территориальной проблемы не удаётся, необходимо хотя бы достичь договорённости о восстановлении дипломатических отношений.

Согласно недавно рассекреченным документам из архива Политбюро ЦК КПСС, Президиум ЦК КПСС шлёт главе советской миссии в Японии Тихвинскому шифрованную телеграмму, в которой сообщается о готовности принять в Москве японского премьера Хатояма и министра Коно во второй половине октября. Цели заключались в том, чтобы «установить с ними личный контакт и обменяться мнениями о перспективах развития советско-японских отношений».

Целесообразно полностью изложить текст документа ввиду его большой значимости, поскольку в нём изложена принципиальная позиция Москвы по нормализации двусторонних отношений.

«Советское правительство, – как отмечается в документе, – имеет в виду подписание мирного договора с включением в него статьи о территориях, предусматривающей передачу Японии островов Хабомаи и Шикотан, как это изложено в советском проекте мирного договора. Позиция Советского правительства в территориальном вопросе является окончательной и изменена быть не может. В случае, если японское правительство не готово подписать мирный договор, Советское правительство могло бы пойти на восстановление дипломатических отношений без мирного договора, на обмен послами с одновременным объявлением о прекращении состояния войны, оставив без изменений существующее положение в отношении территорий.

Эта позиция Советского правительства, как известно, уже излагалась в беседе Н.А. Булганина и Н.С. Хрущёва с японской парламентской делегацией 21 сентября 1955 г., а также в беседе Н.А. Булганина с г-ном Коно 9 мая 1956 г. Позиция Советского правительства остаётся неизменной и теперь. Обратите внимание Коно на то, что Н.А. Булганин в беседе с ним 9 мая с.г. говорил именно в этом смысле, а не так, как это излагает Коно, утверждая, будто Н.А. Булганин высказался за подписание мирного договора без статьи о территориях.

В случае согласия японской стороны с любым из указанных вариантов нормализации советско-японских отношений Советское правительство могло бы принять в Москве г-на Хатояма, Коно и сопровождающих их лиц во второй половине октября с.г.» [Максименков, 2019].

11 сентября Хатояма направил в адрес председателя Совета министров СССР Булганина послание, в котором выражалась готовность приступить к переговорам в целях нормализации отношений между двумя странами, если Советский Союз выразит согласие о том, что на них будут достигнуты следующие договорённости:

- состояние войны между двумя странами прекращается;
- производится обмен посольствами;
- осуществляется немедленная репатриация задерживаемых в советских лагерях японских граждан;
- вступает в силу Конвенция по рыболовству;
- Советский Союз поддерживает принятие Японии в ООН.

Предлагалось также одобрить на предстоящих переговорах те пункты, о которых уже была достигнута договорённость на предыдущих переговорах делегаций сторон в Москве и Лондоне. Что касается территориальной проблемы, то японская сторона, как отмечалось, была бы удовлетворена обещанием советской стороны продолжить её обсуждение в будущем.

Положительный ответ советской стороны последовал незамедлительно. 13 сентября в послании Булганина в адрес Хатояма выражались согласие с японской позицией по содержанию переговоров в Москве и готовность немедленно возобновить переговоры о нормализации японо-советских отношений без заключения мирного договора.

Таким образом, на тот момент стороны не планировали заключать мирный договор. Японская сторона лишь поставила вопрос о том, чтобы согласие советского правительства на продолжение после восстановления дипломатических отношений переговоров о заключении мирного договора, включающего и территориальный вопрос, было оформлено в письменном виде. 29 сентября первый заместитель министра иностранных дел СССР Громыко и Мацумото обменялись соответствующими письмами.

Однако противники нормализации отношений с Советским Союзом не унимались. 20 сентября ЛДП провела чрезвычайное общее собрание, на котором была одобрена партийная платформа к предстоящим переговорам в Москве. От японских представителей требовалось настаивать на немедленном возвращении островов Шикотан и Хабомаи, на продолжении переговоров по островам Кунашир и Итуруп после заключения мирного договора, на соблюдении духа Сан-Францисского договора относительно других территорий. Партийное решение противоречило уже достигнутой между сторонами договорённости отложить переговоры по территориальной проблеме. Оно, конечно, связывало руки Хатояма на переговорах, вело к их осложнению.

Переговоры на высшем уровне в Москве начались 13 октября. 15 октября глава советской делегации Булганин и Хатояма на своей встрече подтвердили то, о чём договорились в своих письмах – нормализация отношений с откладыванием переговоров по территориальной проблеме. Хатояма повторил позицию, изложенную в его письме Булганину от 11 сентября.

Но Булганин внёс важное дополнение. Он предложил подписать по итогам переговоров не совместное коммюнике или меморандум, а Совместную декларацию, подлежащую ратификации обеими сторонами. Хатояма согласился. После этой встречи советская сторона передала состоящий из десяти пунктов проект Совместной декларации. Десятый пункт гласил, что стороны «продолжат переговоры о заключении мирного договора, включая территориальный вопрос, после нормализации отношений».

Казалось бы, всё ясно и понятно. Можно после небольшой технической работы подписывать документ, положения которого фактически уже согласованы. Но происходит нечто неожиданное. Коно, который входит в японскую делегацию, запрашивает встречу с Первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущёвым и получает у него аудиенцию 16 октября. Почему это сделал Коно, а не глава делегации Хатояма?

Одно из объяснений – Хатояма (ему 73 года) в то время был уже тяжело болен, прибыл в Москву на инвалидной коляске – сказывались последствия инсульта и не был в состоянии вести затяжные, сложные дискуссии. Другое объяснение – Хатояма хотел побыстрее завершить переговоры и не выполнять партийный наказ от 20 сентября. Он уже заявил о намерении уйти с поста главы правительства и из большой политики после нормализации

отношений с Москвой. Коно же, думая о своём политическом будущем, добился согласия Хатояма всё же поставить территориальный вопрос перед советским руководством, причём не на переговорах, а напрямую «главному лицу в СССР».

Ещё одно объяснение отсылает нас к традиционной японской переговорной тактике, согласно которой глава делегации не вдаётся в детали, а один из её членов – мастер закулисных сделок, по сути, и ведёт настоящие переговоры. Такая тактика именуется у японских переговорщиков *харагэй* (скрытая игра). Конечно же, Коно все свои разговоры с Хрущёвым согласовывал с Хатояма.

Коно начал разговор с советским лидером с того, что подробно обрисовал жёсткие действия японских противников нормализации советско-японских отношений. В этой обстановке, утверждал он, для того чтобы их нейтрализовать, крайне важно вернуться в Японию с островами Хабомаи и Шикотан. Хрущёв раздражённо реагирует на это, вполне резонно напоминая, что советское правительство дважды предлагало японской стороне передать эти острова, но Токио дважды отвергал это предложение. «Советское правительство, – продолжает он, – хочет прийти к соглашению с Японией как можно скорее и не использует территориальный вопрос для торга. Но я должен снова совершенно определённо и категорически заявить, что мы не принимаем и не должны принимать любые территориальные претензии со стороны Японии, кроме островов Хабомаи и Шикотан, и отказываемся обсудить какие бы то ни было предложения по этому вопросу»¹. При этом советский руководитель ставит два условия, при выполнении которых эти территории могут быть переданы Японии.

Первое условие – до их возвращения должен быть заключён мирный договор и с передачей этих островов территориальный вопрос должен считаться решённым полностью и окончательно.

Второе условие – эти острова будут переданы только после того, как США вернут Японии Окинаву и все другие японские территории, которыми они в настоящее время владеют.

Хрущёв впервые увязал проблему островов Хабомаи и Шикотан с проблемой архипелагов Рюкю и Бонин. Тем самым он попытался разыграть территориальную карту в антиамериканском плане точно так же, как американцы разыгрывали её в антисоветском.

После изложения Хрущёвым указанной позиции, Коно попытался продолжить и настойчиво возвращался к территориальной проблеме. При этом он попытался «оспорить» тезис Хрущёва об аналогии островов Хабомаи и Шикотан с Окинавой. На это советский лидер, всё более раздражаясь настойчивостью Коно, заявил: «У нас нет желания рассматривать по этой проблеме неравенство с Соединёнными Штатами. Почему требуют, чтобы мы вернули территории, которые принадлежат нам, в то время как Соединённые Штаты удерживают в своих руках японские территории и строят военные базы на этих территориях, которые направлены против нас? Это не справедливо. Мы протестуем против такой дискриминации» [Соглашается на передачу Японии...; Мацумото, Мосукува ни..., с. 131–149].

¹ Содержание беседы между Хрущёвым и Коно приводится по материалам [Соглашается на передачу Японии...; Мацумото, Мосукува ни...].

Коно продолжал пытаться ставить территориальный вопрос даже в гипотетическом плане. Так, он спросил Хрущёва, полагает ли тот, что США когда-то вернут Окинаву? Хрущёв ответил, что когда-нибудь это свершится. Тогда Коно пускает в ход явно провокационный вопрос: когда США вернут Окинаву, будет ли Советский Союз готов вернуть Кунашир и Итуруп. Явно утомлённый японским «допросом» советский лидер отмечает: «Я не знал, что японцы настолько настойчивы. Они возвращаются к тем же вопросам “всё время”. Хрущёв категорически отверг возможность передачи Кунашира и Итурупа, хотя, по его оценке, эти острова не имеют какого-либо экономического значения. Напротив, они являются огромным финансовым бременем для советского правительства. Но, – подчеркнул он, – “решающим является престиж страны, а также стратегическая сторона проблемы”».

После этой встречи Хрущёв направил записку членам Президиума ЦК КПСС с формулировкой для включения в Совместную декларацию, в которой говорилось, что СССР, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и Шикотан. Эти острова будут фактически переданы Японии после заключения мирного договора между СССР и Японией и после того, как Окинава и другие острова, находящиеся в настоящее время под администрацией США, будут возвращены Японии. Поздно вечером этот текст был доставлен Коно.

Но на этом встречи Коно и Хрущёва не закончились. Надо знать японских переговорщиков – они стремятся выжимать из любой ситуации максимально возможные уступки.

На встрече 14 октября Хрущёв пояснил Коно, что готовность Советского Союза вернуть Хабомаи и Шикотан прежде всего мотивирована желанием помочь Японии вернуть Окинаву. Но если Япония не хочет включать в текст документа предложение, которое он сделал, то можно сделать на этот счёт устное заявление либо вовсе не упоминать Окинаву в контексте двух островов.

На третьей встрече 18 октября Коно прибегает, по определению известного японского учёного Хасэгава Цуёси, к «змеиной атаке». Японская делегация добивается согласия советской стороны на публикацию после подписания Совместной декларации тех писем, которыми Громыко и Мацумото обменялись 29 сентября, ещё до начала переговоров на высшем уровне, т.е. когда речь не шла о подписании мирного договора или Совместной декларации с включением территориальной статьи. Уловка состояла в том, чтобы создать впечатление, что Совместная декларация и письма являются едиными целым и, соответственно, Советский Союз якобы согласился при проведении в будущем переговоров по мирному договору обсуждать проблему островов Кунашир и Итуруп.

Конечно, эта хитрость не могла убедить советскую сторону в том, чего она не обещала, но помогала Хатояма и Коно для внутреннего потребления представить дело таким образом, что они выполнили «партийный наказ» и отстаивали позицию по островам Кунашир и Итуруп. Впоследствии японские политики, дипломаты и ученые-политологи именно таким образом и толковали публикацию писем Громыко – Мацумото. Более того, обменные письма с самого начала не имели обязывающего характера для советского правительства и тем более в них ничего не говорилось конкретно о территориальной проблеме.

Хрущёва, когда он уже был отстранён от власти, упрекали в том, что он пообещал передать Японии острова Хабомаи и Шикотан. Попробуем понять мотивы его решения. Во-первых, и об этом уже говорилось, он хотел скорейшей нормализации отношений с Японией, тем более что с китайскими руководителями уже начинались расхождения во взглядах по принципиальным вопросам.

Во-вторых, Хрущёв был убеждён, что эти острова – небольшая потеря для Советского Союза. В беседе с Коно он даже говорил, что экономически эти острова не имеют значения, напротив, они огромное финансовое бремя для советского правительства. В своих мемуарах Хрущёв отмечает: «Мы долго совещались тогда в руководстве СССР и пришли к выводу, что стоит пойти навстречу желаниям японцев и согласиться с передачей этих островов (сейчас не помню их названий), но при условии подписания мирного договора Японии с СССР и выведения войск США с Японских островов... Мы считали, что такая уступка не имеет особого значения для СССР. Там лежат пустынные острова, которыми пользовались только рыбаки и военные.... Зато дружба, которую мы хотели завоевать со стороны японского народа, наша взаимная дружба имела бы колоссальное значение. Поэтому территориальные уступки с лихвой перекрывались бы теми новыми отношениями, которые сложились бы между народами Советского Союза и Японии [Хрущёв, с. 644].

В-третьих, он, видимо, исходил из того, что японская сторона в конечном итоге будет удовлетворена уступкой островов Хабомаи и Шикотан и на фоне отказа США от возвращения Японии архипелагов Рюкю и Бонин можно будет попытаться подтолкнуть Японию к отходу от американцев и даже к провозглашению нейтралитета – что-то наподобие австрийского варианта. Можно считать подобный подход утопичным. Однако в конце 1950-х годов, принимая в Кремле японские делегации, советский руководитель, отвечая на вопрос, когда СССР передаст острова Японии, будет неизменно отвечать – только после того, как США вернут Японии Окинаву.

В конечном итоге 19 октября 1956 г. после более чем полутора лет переговоров стороны подписали Совместную декларацию, согласно основным положениям которой:

- прекращалось состояние войны между СССР и Японией;
- восстанавливались дипломатические и консульские отношения;
- Советский Союз освобождал и репатриировал всех осуждённых в СССР японских граждан;
- Советский Союз отказывался от всех репарационных претензий к Японии;
- Советский Союз поддерживал просьбу Японии о принятии её в члены Организации Объединённых Наций.

Статья 9, посвящённая проблеме мирного договора, гласила: «СССР и Япония согласились на продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений переговоров о заключении мирного договора.

При этом СССР, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Шикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора».

С советской стороны Совместную декларацию подписали Председатель Совета министров СССР Н.А. Булганин и министр иностранных дел Д.П. Шепилов (Хрущёв на церемонии подписания не присутствовал), с японской – премьер-министр Хатояма Итиро,

министр сельского хозяйства и лесоводства Коно Итиро и депутат парламента Мацумото Сюнъити.

27 ноября 1956 г. палата представителей японского парламента ратифицировала декларацию (70 депутатов – члены фракции Ёсида – голосование бойкотировали), 5 декабря это же сделала палата советников парламента. Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал декларацию 8 декабря 1956 г. Обмен ратификационными грамотами был произведён в Токио 12 декабря 1956 г.

Как мы знаем, в Японии было немало противников нормализации отношений с СССР, но росло и число сторонников установления нормальных отношений с великим соседним государством. По воспоминаниям Тихвинского, премьер-министра Хатояма и членов японской делегации, по их возвращении 1 ноября 1956 г. в Токио встречала восторженная толпа – свыше 14 тысяч человек. В целом положительно оценила результаты переговоров в Москве и японская пресса.

Но по-прежнему раздавались угрозы, в том числе физической расправы с Хатояма, со стороны ультраправых группировок. В парламенте звучали заявления с требованием отставки премьера [Тихвинский, с. 118–119]. И всё же Хатояма добился поставленной цели. Несмотря на сопротивление внутри правящей элиты, преодолевая давление со стороны Вашингтона, он совершил деяние исторического характера – обеспечил послевоенное урегулирование отношений Японии с Советским Союзом, что позволяло Японии решить целый комплекс важнейших для её национальных интересов проблем.

Вот как оценивает подписание Совместной декларации спустя много лет после этого события один из видных деятелей ЛДП, которого принято считать националистически настроенным, Накасонэ Ясухиро, в своей книге «Политика и жизнь. Мои мемуары»: «На переговорах в Москве мы добились успеха. Япония вступила в ООН, вернулись заключённые, была расширена сфера международной деятельности и тем самым заложен краеугольный камень дальнейшего развития» [Накасонэ, с. 178–179].

Хотя не удалось подписать мирный договор, но по содержанию Совместная декларация 1956 года решила все те вопросы, за исключением проблемы территориального размежевания, которые решаются мирным договором. То, что проблема территориального размежевания не урегулирована теперь уже в российско-японских отношениях, подтверждает её крайнюю сложность.

Как и обещал Хатояма, в 1957 г. он оставил пост главы правительства и ушёл в отставку. Но интерес к отношениям с Советским Союзом не потерял. 29 июня 1957 г. на учредительном съезде Общества «Япония–СССР» он был избран его первым председателем. Общество начало активную деятельность по установлению разносторонних дружеских связей между общественностью двух стран.

Советско-японские отношения после заключения Совместной декларации 1956 года

Расхождения СССР и Японии, а ныне России и Японии, по проблеме мирного договора проистекают во многом из-за принципиально различного восприятия итогов Советско-японской войны на заключительном этапе Второй мировой войны.

Политика Советского Союза в отношении послевоенной Японии диктовалась и определяется ныне победоносным разгромом японских вооруженных сил и бесспорными территориальными приобретениями в соответствии с Ялтинскими соглашениями Союзных Держав. Япония готова была смириться с поражением в тихоокеанской войне, но рассматривала войну СССР против государства, с которым наличествовал пакт о нейтралитете, как «несправедливую акцию», предпринятую в то время, когда японское поражение уже было предопределено. Потому для японцев задача состояла и состоит в том, чтобы не признавать итоги «несправедливой войны», особенно касающиеся потери территорий.

Совместная декларация (по сути – мирный договор, т.к. этот документ урегулировал все послевоенные проблемы, кроме территориальной) способствовала активному развитию советско-японских отношений. Быстро росла торговля, начались контакты в области культуры, политические консультации. Но расчёт советского руководства на то, что с помощью обещания территориальной уступки и поддерживая левые японские оппозиционные движения, выступавшие в конце 1950-х годов против заключения японо-американского военно-политического союза в новой редакции, удастся внести раскол в отношения Токио с Вашингтоном, не оправдался.

Чем очевиднее становилась неудача с попыткой побудить Японию встать на путь нейтралитета, совершив нечто подобное Австрии (а именно эта идея массово транслировалась на японскую общественность советской пропагандистской машиной), тем жёстче становилась позиция Москвы в отношении Токио. Кульминацией явилась серия политических записок, а также одной ноты и одной декларации советского правительства начала 1960 г. в последней отчаянно-раздражённой попытке предотвратить ратификацию подписанного в январе 1960 г. японо-американского договора безопасности.

Первая записка была направлена японскому правительству уже 27 января, т.е. через неделю после подписания договора. В ней утверждалось, что заключение нового военного союза означает потерю Японией независимости и сохранение присутствия иностранных войск на её территории, что делает невозможным для Советского Союза передать ей Хабомаи и Шикотан. Далее сообщалось, что поскольку новый договор безопасности направлен против Советского Союза и КНР, то только после вывода всех иностранных войск с японской территории и подписания мирного договора между СССР и Японией острова Хабомаи и Шикотан будут переданы Японии.

Примечательно, что советская сторона не отказывалась от 9-й статьи Декларации, но выдвигала дополнительное условие её реализации – вывод всех иностранных войск с японской территории. Напомним, что на ранней стадии переговоров о нормализации отношений это условие упоминалось в качестве одного из пунктов советской позиции, но потом было снято.

Японское правительство ответило 5 февраля своим меморандумом, в котором отметило право любого суверенного государства определять свою политику безопасности и подчеркнуло, что пересмотренный договор безопасности не представляет угрозы третьим странам. Далее было сказано, что японо-американский договор безопасности, не ограниченный никаким сроком действия, существовал в период подписания и ратификации Совместной декларации, и в Японии уже находились иностранные войска, и что Советский

Союз не имеет права в одностороннем порядке менять содержание международного документа, ратифицированного высшими органами обеих стран [МИД...].

В меморандуме Япония пошла дальше требования к Советскому Союзу выполнить Совместную декларацию и потребовала возвращения не только Хабомаи и Шикотана, но и «других территорий, принадлежащих Японии на законных основаниях». На этот документ советское правительство ответило 26 февраля обвинениями Японии «в реваншизме», а 22 апреля заявило о том, что считает себя свободным от обязательства передавать Хабомаи и Шикотан и полагает территориальную проблему решённой.

Итак, в результате обмена указанными заявлениями, стал очевиден фактический отказ Советского Союза от статьи 9 Совместной декларации. Этой позиции Советский Союз, а затем и Россия придерживались до избрания на пост Президента России В.В. Путина.

Но следует отметить, что советское руководство в 1972 г. давало достаточно определённо понять японскому правительству о готовности вернуться к реализации статьи 9 Декларации. Об этом сообщил министр иностранных дел Громыко в ходе своего визита в Токио в январе 1972 г. премьер-министру Сато Эйсаку и министру иностранных дел Фукуда Такэо. Имеются на этот счёт свидетельства участников тех переговоров как с советской, так и с японской стороны [Трояновский, с. 287–288]. Таким образом, советская сторона уже тогда фактически дезавуировала свою позицию, изложенную в записках и нотах советского правительства 1960 г.

Более того, в «эпоху перестройки» при М.С. Горбачёве советская сторона фактически признала наличие в советско-японских отношениях территориальной проблемы. Таким образом, был осуществлен отказ и от заявления 1960 г. об отсутствии в двусторонних отношениях территориальной проблемы. После распада Советского Союза российское руководство подтвердило позицию о наличии территориальной проблемы в отношениях Москвы и Токио.

Однако, даже признавая наличие территориальных проблем в двусторонних отношениях, ни советские руководители, включая Горбачёва, ни президент Ельцин не считали, что 9-я статья Совместной декларации сохраняет свою силу. Оба они полагали, что «её время прошло».

Только В.В. Путин после избрания на пост Президента России впервые в ходе своего первого визита в Японию в сентябре 2000 г. стал говорить о том, что Совместная декларация является в двусторонних отношениях единственным ратифицированным законодательными органами двух стран документом и потому юридически обязывающим российскую сторону следовать её выполнению во всём объеме. Вместе с тем он пояснял, что в статье 9 ничего не говорится об условиях передачи Хабомаи и Шикотана Японии, равно как и о содержании мирного договора, и потому предстоит провести соответствующие переговоры.

Если японская сторона до этих заявлений настойчиво добивалась от советской, а затем и российской стороны признания «действенности 9-й статьи декларации», то после указанной позиции В.В. Путина стала настаивать на том, что «принципиальная позиция» Японии состоит в том, что она добивается возвращения не только островов Хабомаи и Шикотан, но и островов Кунашир и Итуруп, причём единовременно. На такой позиции российская сторона не считала возможным договариваться и, хотя в первое и начале второго десятилетия XXI века обе стороны обсуждали и даже вели консультации – переговоры по

мирному договору, они не привели к каким-либо подвижкам в направлении урегулирования территориальной проблемы.

Ситуация радикально изменилась, когда премьер-министр Абэ Синдзо, реагируя на предложения В.В. Путина на Владивостокском экономическом форуме в сентябре 2018 г., заявил на встрече с ним в Сингапуре 14 ноября 2018 г. о готовности вести переговоры о заключении между Японией и Россией мирного договора на «основе территориальной статьи» Совместной декларации СССР и Японии 1956 г. Такое заявление, по сути дела, означало, что японская сторона впервые за более чем 60 лет не ставит задачу требовать «возвращения островов Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан», а готова ограничиться возвращением двух последних.

В результате в январе 2019 г. начались переговоры о заключении мирного договора между Россией и Японией. Однако в переговорном процессе уже на первом этапе возникли серьёзные сложности. Как представляется, они связаны с различным видением сторонами содержания договора. Если японская сторона исходила из того, что главное в договоре – фиксация договорённости о принадлежности островов и проведение согласованной линии границы, то российская сторона имела в виду, что договор будет наполнен разносторонним содержанием, решит ряд важных для Москвы проблем – признание Японией законности российского владения Курильскими островами, гарантии ненаправленности японо-американского военно-политического союза против российских интересов, широкое развитие двусторонних связей, осуществление мер доверия в военной сфере и т.д. Следовательно, предполагалось, что мирный договор в соответствии со своим названием заложит основы для формирования кардинально новых российско-японских отношений.

Более того, ещё до начала переговоров в Японии, но в большей степени в России, развернулось довольно широкое движение общественности против разрешения территориальной проблемы на основе соответствующей статьи Декларации 1956 г. Если первоначально высказывались прогнозы о возможности выйти на заключение мирного договора уже в 2019 г., то в настоящее время они не рассматриваются как реалистичные. Судя по всему, предстоит длительный, напряжённый переговорный марафон.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Асахи Симбун. 13.08.1956.

В связи с 50-летием со дня подписания Сан-Францисского мирного договора // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 04.09.2001. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/jp/-/asset_publisher/zMUqsVU9NDU/content/id/574038 (дата обращения: 05.05.2019).

Коно Итиро. Нихон но сёрай : [Будущее Японии]. Токио: Кобунся, 1965. (На яп.)

Максименков Леонид. Чрезвычайные церемонии. Как Никита Хрущёв не попал на переговоры с японцами // Огонёк. 28.01.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3859855> (дата обращения: 05.05.2019).

Мацумото Сьюнъити. Мосукува ни какэру нидзи. Ниссо кокко кайфуку хироку : [Радуга из Москвы. Неофициальные записи о восстановлении японо-советских отношений]. Токио: Асахи симбунся, 1966. (На яп.)

Мацумото Сюнъити. Ниссо кокко кайфуку хироку. Хоппо рёдо косё-но синдзицу : [Неофициальные записки о восстановлении японо-советских отношений. Правда о переговорах про «северные территории»]. Токио: Асахи симбун сьоппан, 2019. (На яп., дополненное издание 1966 г.). С. 156–161. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=138930&p=95> (дата обращения: 05.05.2019).

Мацумото Сюнъити. Ниссо кокко кайфуку хироку. Хоппо рёдо косё-но синдзицу : [Неофициальные записки о восстановлении японо-советских отношений. Правда о переговорах про «северные территории»]. Токио, 2019. (На яп. яз., дополненное издание 1966 г.). С. 156–161.

МИД. Сборник основных документов по вопросам советско-японских отношений (1954–1972). Министерство иностранных дел СССР. Москва, 1973.

Накасонэ Ясухиро. Политика и жизнь. Мои мемуары. М.: Прогресс, 1999.

Панов А.Н. Клан Хатояма. Портрет семьи на фоне истории Японии. М.: Олма Медиа Групп, 2010.

Славинский Б.Н. Ялтинская конференция и проблемы северных территорий. М.: Новина, 1996.

Соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и Шикотан: Как готовилась советско-японская декларация 1956 года // Старая площадь: Вестник архивов Президента Российской Федерации. 1996, № 6.

Тихвинский С.Л. Россия – Япония: обречены на добрососедство. М.: Памятники исторической мысли, 1996.

Трояновский Олег. Через годы и расстояния. М.: Вагриус, 1997.

Хатояма Итиро. Хатояма Итиро кайкорочу : [Воспоминания Хатояма Итиро]. Токио: Бунгэй сьондзю синся, 1957.

Хрущев Н.С. Время, Люди, Власть (воспоминания). Книга 1, часть II. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=138930&p=95> (дата обращения: 05.05.2019).

Hara Kimie. Japanese-Soviet/Russian Relations since 1945, Routledge, London and New York, 1998.

Hasegawa Tsuyoshi. The Northern Territories dispute and Russo-Japanese relations. Vol. 1, Between War and Peace, 1697–1985. Berkeley: University of California International and Area Studies, 1998.

New York Times. 23 January 1946.

Roznan Gilbert (ed.) Japan and Russia. The Tortuous Path to Normalization 1949–1959. N.-Y., Macmillan. 2000.

U.S. Department of State. Conference for the Conclusion and Signature of the Treaty of Peace with Japan: Record of Proceedings, Washington, D.C., 1951.

US Department of State, FRUS (Yalta), vol. 6. p. 692.

US Department of State, FRUS, 1950, vol. 6. pp.1293–96.

US Department of State, FRUS, 1951, vol. 6, pt.1

US Department of State, FRUS, 1955–1957, vol. 23, pt.1. p. 28–29.

US Department of State, FRUS, 1955–1957, vol. 28, pt.1. p. 20, 21–22.

Yoshida Shigeru. The Yoshida Memoires. The Story of Japan in Crisis. Boston, Houghton Mifflin, 1962.

REFERENCES

- Asahi Shimbun. 13 August 1956.
- Hara, Kimie. (1998). *Japanese-Soviet/Russian Relations since 1945*, Routledge, London and New York.
- Hasegawa Tsuyoshi (2000). The Northern Territories dispute and Russo-Japanese relations. Vol. 1. Between war and peace. 1967–1985. *Journal of Japanese Studies*, 26(1): 270-274.
- Hatoyama, Ichiro (1957). *Hatoyama Ichiro kaikoroku* [Memoirs of Hatoyama Ichiro], Tokyo, Bungei shunju shinsha. (In Japanese).
- Khrushchev, N.S. (1999). *Vremya, Lyudi, Vlast' (vospominaniya)*. Kniga 1, chast' II. [Time. People. Power (Memories)], URL: <https://www.litmir.me/br/?b=138930&p=95> (accessed: 5 May 2019). (In Russian).
- Maksimenkov, Leonid. (2019). *Chrezvychaynyye tseremonii. Kak Nikita Khrushchev ne popal na peregovory s yaponsam* [How Nikita Khrushchev failed to join the talks with Japan], *Ogonyok*, 28.01.2019, URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3859855> (accessed: 5 May 2019) (In Russian).
- Matsumoto, Shunichi (1966). *Mosukuwa ni kakaru niiji* [Rainbow from Moscow], Tokyo. (In Japanese).
- Nakasone, Yasuhiro (1994). *Politika i zhizn'. Moi memuary* [Policy and Life. My Memoirs], Moscow: Progress. (In Russian).
- New York Times, 28 January 1946.
- Panov, A.N. (2000). *Klan Khatoyama. Portret sem'i na fone istorii Yaponii* [Hatoyama Clan. The portrait of the family on the background of the history of Japan], Moscow: Olma Media Grupp, 2000. (In Russian).
- Rosnan, Gilbert (Ed.) (2000). *Japan and Russia. A Tortuous Path to Normalization 1949–1959*, N-Y., Macmillan.
- Sbornik osnovnykh dokumentov po voprosam sovetsko-yaponskikh otnosheniy (1954-1972)* [Collection of main documents on Russo-Japanese relations] (1973). Moscow: Ministerstvo inostrannykh del SSSR. (In Russian).
- Slavinsky, B.N. (1996). *Yaltinskaya konferentsiya i problemy severnykh territoriy* [Yalta conference and the problem of Northern territories], Moscow: Novina. (In Russian).
- Tikhvinskii, S.L. (1996). *Rossiya – Yaponiya: obrecheny na dobrososedstvo* [Russia-Japan: doomed to neighbourliness], Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. (In Russian).
- Troyanovskiy O. (1997). *Herez gody i rasstoyaniya* [Many years after and a long distance away], Moscow: Vagrius.
- U.S. Department of State (1951). *Conference for the Conclusion and Signature of the Treaty of Peace with Japan: Record of Proceedings*, Washington, D.C.
- US Department of State, FRUS (Yalta), vol. 6. pp.692.
- US Department of State, FRUS, 1950, vol. 6. pp.1293-96.
- US Department of State, FRUS, 1951, vol. 6, pt.1
- US Department of State, FRUS, 1955-1957, vol. 23, pt.1. p.28-29.
- US Department of State, FRUS, 1955-1957, vol. 28, pt.1. p.20, 21-22.
- V svyazi s 50-letiyem so dnya podpisaniya San-Frantsisskogo mirnogo dogovora [On the occasion of the 50th anniversary of the San-Francisco Peace Treaty], Ministerstvo inostrannykh del

Rossiyskoy Federatsii. September 4, 2001, URL: http://www.mid.ru/ru/maps/jp/-/asset_publisher/zMUsqsVU9NDU/content/id/574038 (accessed: 5 May 2019). (In Russian).

Yoshida, Shigeru (1962). *The Yoshida Memoirs. The Story of Japan in Crisis*, Boston.

Поступила в редакцию 15.03.2019

Received 15 March 2019

Для цитирования: Панов А.Н. Советско-японская Совместная декларация 1956 года: сложный путь к подписанию, нелёгкая судьба после ратификации // Японские исследования. 2019. №2. С. 63–94. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10012

For citation: Panov A.N. (2019). Sovetsko-yaponskaya Sovmestnaya deklaratsiya 1956 goda: slozhnyy put' k podpisaniyu, nelëgkaya sud'ba posle ratifikatsii [The Soviet-Japanese Joint Declaration of 1956: a difficult path to signing, a hard destiny after the ratification], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 2: 63–94. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10012